

Научная статья

УДК 327

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-4-89-100

ОТ ОСТРАКИЗМА К «КУЛЬТУРЕ ОТМЕНЫ»: МНОВЕКТОРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПРАКТИК СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Лескова И. В.

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: leskova.i@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.08.2025

После доработки 16.09.2025

Принята к публикации 26.09.2025

Аннотация

Цель. Провести комплексный историко-сравнительный анализ эволюции практик социального исключения от античного остракизма до современной «культуры отмены», выявить их общие черты, различия, а также тенденцию к экспансии в новые сферы.

Процедура и методы. Методологическую основу исследования составляют историко-сравнительный и историко-генетический методы, дополненные дискурс-анализом и институциональным подходом. Проанализирован корпус источников, включая классические труды по истории Античности, современные работы по социологии, политологии и психологии.

Результаты. Доказано, что, несмотря на общую психологическую основу, практики социального исключения эволюционировали от легитимного государственного института, нацеленного на сохранение политического строя, до внеинституционального, идеологически заряженного инструмента, используемого в целях репутационного уничтожения, которое осуществляется средствами цифровой среды. Выявлены механизмы этой трансформации и экспансия «культуры отмены» в сферы культуры, искусства, религии и международных отношений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа вносит вклад в развитие исторической компаративистики и в интеграцию подходов всеобщей истории и социальных наук. Результаты исследования могут быть использованы для анализа современных социокультурных и политических процессов, связанных с цифровизацией общественной жизни.

Ключевые слова: бойкот, историческая эволюция, культура отмены, остракизм, социальное исключение, цифровизация

Для цитирования:

Лескова И. В. От остракизма к «культуре отмены»: многовекторная эволюция практик социального исключения в исторической ретроспективе // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 4. С. 89–100.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-4-89-100

Original research article

FROM OSTRACISM TO "CANCEL CULTURE": THE MULTI-VECTOR EVOLUTION OF SOCIAL EXCLUSION PRACTICES IN HISTORICAL RETROSPECT

I. Leskova

*Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation
e-mail: leskova.i@yandex.ru*

Received by the editorial office 28.08.2025

Revised by the author 16.09.2025

Accepted for publication 26.09.2025

Abstract

Aim. Conduct a comprehensive historical and comparative analysis of the evolution of social exclusion practices from ancient ostracism to the modern "cancel culture," identify their common features, differences, as well as the tendency to expand into new areas.

Methodology. The methodological basis of the study is historical-comparative and historical-genetic methods, supplemented by discourse analysis and an institutional approach. The body of sources is analyzed, including classical works on the history of antiquity, modern works on sociology, political science and psychology.

Results. It has been proven that, despite the general psychological basis, practices of social exclusion have evolved from a legitimate state institution aimed at preserving the political system to an extra-institutional, ideologically charged tool used for reputational destruction, which is carried out by means of the digital environment. The mechanisms of this transformation and the expansion of the "cancel culture" into the spheres of culture, art, religion and international relations have been identified.

Research implications. The work contributes to the development of historical comparative studies and to the integration of approaches of general history and the social sciences. The results of the study can be used to analyze modern sociocultural and political processes related to the digitalization of public life.

Keywords: boycott, historical evolution, cancel culture, ostracism, social exclusion, digitalization

For citation:

Leskova, I. V. (2025). From ostracism to "cancel culture": the multi-vector evolution of social exclusion practices in historical retrospect. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 4, 89–100.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-4-89-100

Введение

Термин «культура отмены» (*cancel culture*), получивший широкое распространение в начале XXI в., представляет собой сложный социокультурный феномен, который проявляется в форме коллективного публичного осуждения, бойкота или изоляции индивида, организации или даже государства за действия

или высказывания, признанные частью общества неприемлемыми [1, с. 34–35]. В отличие от более широкого понятия «социальная эксклюзия», которое, как правило, носит системный характер, «культура отмены» характеризуется целенаправленностью, публичностью и кампанейским характером, выступая её инструментальной и идеологизирован-

ной формой [2]. Несмотря на кажущуюся новизну, обусловленную глобализацией и развитием цифровых коммуникаций, данное явление имеет глубокие исторические корни. Его прообразы обнаруживаются в практиках социального исключения, известных с античных времён.

Актуальность исследования обусловлена потребностью в осмыслении «культуры отмены» не в качестве спонтанного продукта цифровой эпохи, а как исторического феномена, прошедшего длительную и многовекторную эволюцию, вышедшую далеко за рамки исключительно политической борьбы.

Целью данной статьи является проведение комплексного исторического анализа трансформации инструментов социального исключения от античности до современности, выявление их общих черт, принципиальных различий и расширения сфер применения.

Научная новизна работы заключается не только в системном сопоставлении легитимного института античного ostracism с внеинституциональными практиками «отмены» в цифровую эпоху, но и в интеграции подходов всеобщей истории, политической науки, социологии и психологии для создания целостной картины эволюции данного феномена. Такой подход позволяет преодолеть узкие временные рамки, выявить устойчивые модели социального поведения, а также фундаментальные изменения, обусловленные технологическими и парадигмальными сдвигами. Новизна заключается и в детальном анализе «культуры отмены» на уровне международных отношений, где она выступает инструментом неформального давления и изоляции целых государств [3].

Методологическую основу исследования составляют принципы историко-сравнительного и историко-генетического методов, позволяющие проследить генезис и развитие феномена, а также методы дискурс-анализа для работы с современными научными и публицистиче-

скими текстами. Дополнительно применяется институциональный подход для сравнения формальных и неформальных механизмов исключения, а также социологический анализ для понимания функций «культуры отмены» как социального факта [3; 4].

Историко-генетические корни практик социального исключения: от полиса к гражданскому обществу

Наиболее ранним и структурно оформленным прототипом «культуры отмены» в истории западной цивилизации является афинский ostracism (ὄστρακισμός). Институт ostracism был введён в ходе реформ Клисфена в 508–507 гг. до н. э. как инструмент защиты молодой афинской демократии от потенциальных тиранов и политиков, усиливших своё влияние [5]. Как подчёркивает С. И. Гинзбург, ostracism был непосредственным продуктом острой социально-политической борьбы после падения тирании Писистратидов и отражал стремление демоса контролировать аристократическую элиту, из среды которой выходили политические лидеры [6].

Ostracism, как указывают исследователи, представлял собой процедуру тайного голосования, в ходе которого граждане полиса наносили на глиняные черепки (ὄστρακα) имя политика, чьё влияние и популярность, по их мнению, начинали представлять угрозу стабильности государства. Если против 1 человека набиралось более 6 тыс. голосов, то его изгоняли из Афин на 10 лет; при этом его имущество не конфисковывалось, а гражданские права полностью восстанавливались по возвращении из изгнания [7]. Важно отметить, что, согласно исследованиям, для изгнания требовалось набрать установленное количество голосов (не менее 6 тыс.) против конкретного лица, а не для обеспечения общего кворума собрания, что подчёркивает целенаправленный, а не случайный характер исключения [6].

Ключевой характеристикой афинского ostracism была его легитимность и институциональность. Он был узаконенным механизмом, встроенным в политическую систему полиса, с чётко прописанной процедурой, гарантиями и ограничениями. Цель его состояла не в наказании за преступление (для этого существовали суды), а в превентивной нейтрализации потенциальной угрозы политическому строю. Как подчёркивает И. Е. Суриков, ostracism был не карательной, а профилактической мерой [5, с. 227–228].

Таким образом, античный ostracism представлял собой легитимный, санкционированный государством инструмент сохранения строя, радикально отличающийся от современных стихийных внеинституциональных форм исключения. При этом, как отмечают исследователи [2], ostracism может рассматриваться и как механизм обеспечения стабильности, и как инструмент исключения, что подчёркивает его двойственную природу.

Практика отлучения, санкционируемая религиозными институтами в ответ на нарушения доктринальных или моральных норм, представляет собой сложный, исторически обусловленный феномен, сочетающий в себе элементы дисциплинарного воздействия, духовного исправления и социальной изоляции. В отличие от светского ostracism, религиозное отлучение (анафема) в его классическом понимании преследует не только и не столько карательные, сколько сотериологические цели: его высший смысл видится в спасении души отлучаемого через горькое осознание греха и последующее покаянное возвращение в лоно общины, а также в защите остальных верующих от «закваски» ереси или соблазна [8, с. 44]. Богословское обоснование данной практики глубоко укоренено в христианской традиции. Как подробно аргументирует в своём труде священномученик Владимир (Богоявленский), отлучение имеет божественное установление, восходящее к евангельской

заповеди и апостольской практике. Он подчёркивает, что это «самое тяжкое из всех церковных наказаний» применяется церковной властью не из чувства мести, а «с великою скорбью, с тугою сердца и многими слезами», движимой любовью к заблудшей овце и заботой о чистоте Тела Церковного [8].

Исторически отлучение выполняло ключевые функции поддержания доктринальной чистоты, церковного единства и групповой идентичности. Его аналоги существовали и в дохристианских религиозных и социальных системах: в иудаизме (нидуй, херем, шаммата), у египтян, персов, скифов, греков, галлов (друидов), германцев и римлян, что указывает на его естественно-правовую основу как меру самосохранения любого общества, которое зиждется на общих ценностях.

В современном секулярном контексте эта практика нередко воспринимается как архаичная, противоречащая принципам индивидуальной автономии и религиозной терпимости, а это, в свою очередь, порождает интенсивные дискуссии о её легитимности и месте в жизни религиозных сообществ. Однако внутри самих этих сообществ отлучение продолжает пониматься как механизм охраны традиции, защиты её сакрального ядра от деконструкции и размывания. Отлучение активируется в ответ на вызовы со стороны влиятельных публичных фигур, чья деятельность воспринимается как угроза целостности религиозной традиции [9]. Таким образом, отлучение и в XXI в. остаётся не просто историческим наследием, но инструментом проведения символических границ между «своими» и «чужими» и утверждения права сообщества на самоопределение.

В Новое время с ослаблением традиционных институтов и ростом индивидуализма практики исключения начали приобретать внеинституциональный характер. Ярким примером является бойкот, получивший название по имени управляющего Ч. Бойкотта в Ирландии

XIX в., в отношении которого местные арендаторы применили тактику полной социальной и экономической изоляции [10]. Это была уже не санкционированная государством мера, а коллективная акция снизу, направленная на достижение конкретных экономических и социальных целей. Подобные практики, наряду с внесудебными расправами (например, «суд Линча»), демонстрируют зарождение модели «отмены», инициируемой сообществом в обход официальных институтов, что является ключевой характеристикой современной «культуры отмены» [11, с. 164–165]. Как отмечают исследователи, именно в этот период происходит становление бойкота как формы гражданского неповиновения и социального протеста, который, в отличие от остракизма, уже не санкционирован государством, но легитимирован моральным авторитетом коллектива [10].

В отличие от исторических аналогов, современная «культура отмены» характеризуется исследователями как сложное и многогранное явление, которое может трактоваться диаметрально противоположно: и как инструмент восстановления социальной справедливости и повышения осознанности, и как орудие нечестной конкуренции, политической борьбы и подавления свободы выражения мнения [12].

Таким образом, эволюция практик исключения к началу XX в. демонстрирует переход от легитимных, институционализированных форм (античный остракизм, церковное отлучение) к внеинституциональным, часто стихийным акциям коллективного давления (бойкот), которые, однако, ещё были локализованы в физическом пространстве и преследовали конкретные, понятные цели. Исторические аналоги, такие как петализм в Сиракузах или ритуал «козла отпущения», указывают на глубокую древность этих практик и их универсальную основу как механизма самосохранения общества [2; 13].

Психологические основания и технологический детерминизм «культуры отмены» в цифровую эпоху

Психологическое воздействие практик социального исключения, будь то античный остракизм или современная «культура отмены», демонстрирует общие черты, связанные с нарушением базовых потребностей индивида [2; 14]. Как показывают исследования, последствия для психики могут быть глубокими и включать стадии фрустрации, поиска реинтеграции и резигнации [14, с. 135]. Однако подробный анализ психологических аспектов выходит за рамки нашей статьи, поэтому ограничимся утверждением, что универсальность этих механизмов объясняет эффективность и устойчивость практик исключения на протяжении истории. Реакция на остракизм, как показывает модель К. Д. Вильямса (модель угрозы базовым потребностям), развивается стадийно: от рефлекторной боли и фрустрации через рефлексивный поиск стратегии реагирования (стремление к реинтеграции или агрессия) до стадии резигнации (апатия, депрессия) в случае хронического исключения [15]. Эта модель универсальна и применима как к жертве античного остракизма, так и к объекту современной «травли» в соцсетях.

Современная «культура отмены» представляет собой историческую реинкарнацию остракизма, адаптированную к условиям постиндустриального цифрового общества. Её ключевым отличием является среда реализации и, как следствие, её структура, масштаб, скорость и последствия.

Если античный остракизм был локализован в пространстве агоры, а бойкот – в пределах локальной общины, то современная «отмена» разворачивается на глобальных цифровых платформах: в социальных сетях и медиасервисах, на форумах [16]. Это кардинально меняет её параметры:

– *скорость и масштаб*: информация о «провинившемся» распространяет-

ся мгновенно в глобальном масштабе, а коллективное осуждение формируется за считанные часы;

– *анонимность и деиндивидуализация*: участники кампаний «отмены» часто действуют анонимно или под фейковыми аккаунтами, что снижает личную ответственность и усиливает агрессию (эффект «онлайн-растормаживания» [17]);

– *роль алгоритмов*: алгоритмы платформ, настроенные на вовлечение пользователей, способствуют созданию «эхо-камер» и «фильтрующих пузырей», где мнение большинства усиливается, а альтернативные точки зрения маргинализируются [1, с. 35–36]. Это создаёт условия для формирования «цифровой толпы», легко поддающейся манипуляции и действующей под влиянием эмоций, а не рационального анализа [11, с. 27–28].

Исследователи подчёркивают, что социальные сети, будучи изначально платформами для взаимодействия, превратились в мощную силу, проложившую путь для роста цифровых культур и социальных движений, включая «культуру отмены» [12]. Этот феномен, будучи частью цифровой культуры, ориентирован на публичных деятелей, нарушающих общепринятые нормы.

В отличие от афинского ostracism, современная «культура отмены» является внесудебной и внеинституциональной практикой [11, с. 166], когда решение об «отмене» принимается не легитимным органом власти по чётким процедурам, а разрозненным сообществом пользователей, руководствующихся неписаными и часто размытыми нормами «новой этики» [18; 19]. Это лишает процесс всякой предсказуемости и открывает широкие возможности для злоупотреблений и манипуляций общественным мнением. «Культура отмены», отмечают исследователи, часто используется как оружие информационной войны и геополитической борьбы для дискредитации оппонентов и продвижения определённых идеологических повесток [1; 11]; она превращается

в «орудие политического контроля» и средство консолидации «оставшихся» на основе противостояния исключаемому [20, с. 88].

Теоретическое осмысление «культуры отмены» как медиатизированного феномена связывает её истоки с постмодернистской философией, идеями социального конструирования реальности, релятивизма моральных норм и глобализации [21]. В этом контексте «культура отмены» предстаёт как инструмент деконструкции дискурсов, поддерживающих угнетение, и предпочтения нарративов маргинализированных групп. Однако критики указывают на несоответствие методов «культуры отмены» пропагандируемым демократическим идеалам, злоупотребление властью медиа и практику «цифрового вигилантизма» [22].

Экспансия «культуры отмены»: от личности к государству в глобальном контексте

Изначально ассоциируясь с политической и борьбой за социальную справедливость (движения #MeToo, BLM) (см.: [21]), «культура отмены» быстро вышла далеко за эти рамки, проникнув в самые разные сферы жизни.

Искусство и культура. Художники, писатели, режиссёры становятся объектами «отмены» за прошлые высказывания, непolitкорректные произведения или личные проступки. Отменяются выставки, концерты, переиздаются книги, редактируются фильмы. Яркий пример – кампания против Дж. К. Роулинг за её взгляды на трансгендерность, которая привела к попыткам «отменить» её литературное наследие¹. Это демонстрирует, что объектом атаки становится не только поступок, но и личность, её репутация и

¹ Соломатина Д. «Я защищаю право женщин, девушек и девочек»: Джоан Роулинг раскритиковали за отношение к закону о признании пола // RT на русском: [сайт]. URL: <https://russian.rt.com/nopolitics/article/973365-dzhoan-rouling-transgender> (дата обращения: 25.08.2025).

творческое наследие. Как отмечает П. Весперини, подобные практики, направленные на переписывание или забвение неудобных элементов прошлого, препятствуют извлечению уроков истории и критическому осмыслению культурного наследия [23].

Религия. В условиях секуляризации «культура отмены» взяла на себя функцию морального арбитра, ранее принадлежавшую религиозным институтам. Публичные фигуры осуждаются за несоблюдение новых светских «догм», а целые религиозные сообщества могут становиться объектом критики и бойкота за консервативные взгляды, что порождает новые формы секулярной «ереси» и «отлучения».

Наука и образование. Учёные и преподаватели сталкиваются с попытками «отмены» за непопулярные или «некорректные» с точки зрения активистов исследования и высказывания, что создаёт угрозу академическим свободам и ведёт к самоцензуре. Ряд исследователей определяют это как следствие медиатизации науки, когда нормы научного сообщества смещаются в сторону «постнормальной науки», где личные и этические установки могут превалировать над объективным знанием [24].

В России феномен «культуры отмены» до недавнего времени воспринимался преимущественно негативно, отмечают исследователи. Во многом такая оценка обусловлена собственным историческим опытом и восприятием её как явления, несущего страх, отчуждение и самоутверждение за счёт жертв. Однако в последнее время отношение стало меняться в сторону умеренно позитивного, в частности, в контексте отмены концертов артистов из-за их реального или предполагаемого антипатриотизма, что преподносится как применение «культуры отмены» с участием гражданского общества [25]. При этом подчёркивается, что последствия распространения «культуры отмены» в российском контексте могут быть морально неприемлемы.

Современные случаи «отмены» наглядно демонстрируют трансформацию и глобализацию феномена:

1. *«Отмена» государств.* Массовые санкции, экономический и культурный бойкот в отношении целых стран (напр., кампании по изоляции России в 2022 г.) являются макропроявлением остракизма, напрямую перекликающимся с тезисами о «вытеснении целой страны из международного дискурса» [1, с. 39]. Как подчёркивают исследователи, в международных отношениях «культура отмены» служит дополнением к формальным санкциям и нацелена на изоляцию страны и подрыв её легитимности как международного актора [3, с. 14].

2. *«Отмена» политиков.* Блокировка аккаунтов действующих политиков высшего уровня (напр., Д. Трампа в 2021 г.) демонстрирует силу частных корпораций как новых арбитров публичной сферы, что является качественно новым явлением, не имеющим аналогов в античности. Этот прецедент вызвал серьёзные дискуссии о границах власти технологических гигантов и их ответственности как субъектов политического процесса.

3. *«Отмена» медийных персон.* Кейсы Дж. К. Роулинг или Дж. Деппа иллюстрируют, как «отменяют» не только за противоправные действия, но и за «неправильные» взгляды или неподтверждённые обвинения. Это демонстрирует смещение фокуса с деяния на личность и её репутацию, которая становится главным объектом атаки [11]. Такие примеры показывают, что современная «культура отмены» часто действует по принципу «виновен, пока не доказана невиновность», подменяя собой институты формального правосудия и выступая инструментом внеправового социального давления. Однако важно отметить, что в некоторых случаях она служит и механизмом, обеспечивающим подотчётность тех, кто традиционно находился вне зоны досягаемости публичной критики.

Социально-философский анализ феномена позволяет рассматривать его как деструктивный для западной цивилизации, поскольку «новая этика», с которой он связан, целенаправленно отрицает классические идеи Запада. Среди проявлений «культуры отмены» выделяются её использование как инструмента защиты интересов меньшинств, персональных санкций, цензуры, подавления инакомыслия и переписывания истории [26].

Логика «культуры отмены», как убедительно демонстрируют исследования, вышла далеко за рамки осуждения отдельных личностей и была применена к целым государствам. Феномен «отмены России», активно обсуждаемый с 2022 г., представляет собой макромасштабное проявление остракизма, сочетающее формальные санкции с неформальными практиками изоляции в культурной, научной, спортивной и экономической сферах.

Данный феномен можно анализировать через призму двух гипотез, сформулированных на основе социологического подхода [3, с. 16–17]:

1. *культура отмены как социальный контроль*: в этом случае коллективные действия западных стран и сообществ воспринимаются как законная реакция на нарушение международных норм и правил (в частности, норм суверенитета и территориальной целостности) со стороны России. Целью является наказание нарушителя и восстановление справедливости;

2. *культура отмены как девиация*: в этой интерпретации сами практики «отмены» России рассматриваются как отклонение от традиционных норм международного взаимодействия, дипломатии и культурного обмена. Они трактуются как инструмент нечестной конкуренции, информационной войны и попытка навязать одностороннее видение миропорядка.

При этом, замечают исследователи, «отмена» России реализуется на 2 уровнях: формальном – через многосторонние и односторонние санкции, и нефор-

мальном – через стихийный или организованный отказ от сотрудничества со стороны различных профессиональных и гражданских сообществ (учёных, художников, спортсменов, бизнесменов) [3, с. 26]. Такая ситуация наглядно демонстрирует, что в отсутствие единого центра власти в международных отношениях «культура отмены» становится избирательным инструментом политической борьбы, эффективность которого зависит от конкретного культурного и нормативного контекста.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что феномен «культуры отмены» не представляет собой абсолютно новое явление, порождённое исключительно эпохой социальных сетей. Его историческими прообразами выступают античный остракизм, религиозное отлучение и экономический бойкот, что свидетельствует об устойчивости практик социального исключения как механизма регуляции поведения, защиты групповых норм и борьбы за влияние.

Однако между историческими и современными формами существует принципиальная разница, обусловленная технологическим и социокультурным контекстом. Афинский остракизм был легитимным, институционализированным, профилактическим инструментом государства-полиса, направленным на его сохранение. Современная «культура отмены» является внеинституциональной, нередко карательной, идеологически ангажированной практикой, инициируемой анонимными сетевыми сообществами или частными корпорациями и направленной на разрушение репутации и подавление инакомыслия в самых разных сферах – от политики и искусства до личной идентичности. Как показал анализ, в XXI в. эта практика масштабировалась до уровня международных отношений, став средством давления на целые государства.

Эволюция от остракизма к «культуре отмены» отражает более общие исторические тенденции: переход от локализованных, регулируемых форм социального взаимодействия к глобальным, слабо регулируемым цифровым практикам; усиление роли негосударственных акторов (транснациональных корпораций, сетевых сообществ) в осуществлении власти; идеологизацию публичного пространства, где борьба за интерпретацию норм и ценностей становится ключевым полем битвы.

«Культура отмены» – сложное социальное движение, выступающее одновременно и как инструмент демократизации дискурса, и как форма цензуры и нетерпимости. Такая амбивалентность может способствовать социальной справедливости, а может служить инструментом подавления инакомыслия в интересах определённых групп, усиливая эффект «спирали молчания» [12].

Таким образом, «культура отмены» представляет собой архаичный по своей

сути, но технологически модернизированный инструмент социального давления, обретший в условиях цифровой эпохи новую силу, глобальный масштаб и экспансивный характер. Как показывают исследования, её истоки лежат не только в политической борьбе, но и в глубоких культурно-цивилизационных противоречиях, что позволяет рассматривать её как феномен антицивилизации, направленный на отрицание традиционных ценностей и культурного суверенитета [27]. Дальнейшее изучение данного феномена требует междисциплинарного подхода на стыке всеобщей истории, политологии, социологии, психологии, культурологии и цифровых гуманитарных наук (*digital humanities*): это позволит не только глубже понять его природу и многообразие проявлений, но и выработать эффективные механизмы противодействия его деструктивным проявлениям при сохранении потенциала для общественного диалога и гражданского контроля над элитами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социокультурное измерение «культуры отмены» как феномена XXI века / Г. Л. Акопов, Э. Г. Арутюнян, Л. П. Громова, Д. В. Петросян // *Litera*. 2024. № 7. С. 30–40. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71219
2. Лушавина И. П. Остракизм: механизм исключения или способ обеспечения стабильности? // *Universum: психология и образование: электронный научный журнал* 2025. № 7. URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/20333> (дата обращения: 14.09.2025).
3. Дериглазова Л. В., Погорельская А. М. Культура отмены в политике и международных отношениях // *Вестник МГИМО-Университета*. 2023. № 16. С. 7–33.
4. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
5. Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М.: Языки славянских культур, 2006. 640 с.
6. Гинзбург С. И. Остракизм как средство политической борьбы в Афинах в V в. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1991. 22 с.
7. Malkopoulou A. Ostracism and democratic self-defense in Athens // *Constellations*. 2017. Vol. 24. № 4. P. 623–636.
8. Об анафеме или церковном отлучении / Священномученик Владимир (Богоявленский) митр. Киевский и Галицкий. Москва: Отчий дом, 1998. 47 с.
9. Гудилина Е. Н. К проблеме концептуализации остракизма как механизма сохранения традиции (кейсы Л. Н. Толстого и А. В. Кураева) // *Tempus et Memoria*. 2024. Т. 5. № 2. С. 6–16.
10. Devitt V. *The Fall of Feudalism in Ireland: Or, The Story of the Land League Revolution*. М.: Нобель Пресс, 2025. 777 с.
11. Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2022. Вып. 2. С. 162–169. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162

12. Субботина М. В. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 3. С. 34–37. DOI: 10.24158/spp.2022.3.5
13. Кожоридзе Д. Г., Кожоридзе Г. Г. Истоки возникновения феномена культура отмены // Общество: философия, история, культура. 2024. № 4. С. 97–102.
14. Бойкина Е. Э. Современные лики социального ostracism: гостинг, орбитинг, фаббинг, культура отмены // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 2. С. 13–140. DOI: 10.17759/jmfp.2022110212
15. Williams K. D. Ostracism: a temporal need-threat model // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2009. Vol. 41. P. 275–314.
16. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: научные концепции, модели и сценарии // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 175–193. DOI: 10.17223/1998863X/60/16
17. Suler J. The Online Disinhibition Effect // *CyberPsychology & Behavior*. 2004. Vol. 7: 3. P. 321–326
18. Коктыш К., Ренард-Коктыш А. Когнитивное измерение безопасности // Международные процессы. 2021. № 19. С. 26–46. DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.3
19. Кротовская Н. Г., Кулагина-Ярцева В. С. «Новая этика», истоки и современность (Обзор) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11. № 2А. С. 241–259. DOI: 10.34670/AR.2022.20.96.020
20. Чутров С. В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 88–98. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.07
21. Дунас Д. В., Гуреева А. Н., Киреева П. А. Формируя теоретическую рамку «культуры отмены»: концептуальные истоки и актуальные интерпретации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 6. С. 70–81. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-6-70-81
22. Волкова А., Мартынов Д. Цифровой вигилантизм: стратегии захвата сетевого гражданского общества // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А.В. Соколова, А.А. Фролова. Ярославль, 2021. С. 53–58.
23. Весперини П. Переписывая прошлое: Как культура отмены мешает строить будущее / пер. с фр. Е. Поляковой, Е. Лобковой. М.: Альпина Паблишер, 2024. 212 с.
24. Трищенко Н. Д. Культура отмены в науке как следствие медиатизации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 3. С. 152–155.
25. Фишман Л. «Культура отмены» в России: от неприятия к ограниченному применению // Антиномии. 2024. Т. 24. № 3. С. 70–82.
26. Мухлынкина Ю. В., Иванов А. И. Культура отмены: истоки, проявления, влияние на общество // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2022. № 18. С. 148–161.
27. «Культура отмены»: феномен цивилизационного ostracism. Материалы экспертного круглого стола / В. Э. Багдасарян, В. В. Василик, Ю. Ю. Иерусалимский, Я. В. Лантратова и др. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 4. С. 6–35. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-4-6-35

REFERENCES

1. Akopov, G. L., Harutyunyan, E. G., Gromova, L. P. & Petrosyan, D. V. (2024). Sociocultural dimension of the "cancel culture" as a phenomenon of the 21st century. In: *Litera*, 7, 30–40. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71219 (in Russ.).
2. Lushavina, I. P. (2025). Ostracism: an exclusion mechanism or a way to ensure stability? In: *Universum: psychology and education: electronic scientific journal*, 7. Abstract at: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/20333> (accessed: 14.09.2025).
3. Deriglazova, L. V. & Pogorelskaya, A. M. (2023). Culture of abolition in politics and international relations. In: *Bulletin of MGIMO-University*, 16, 7–33 (in Russ.).
4. Durkheim, E. (1995). *Sociologie. Son objet, sa méthode, son but*. Moscow, Canon Publ. (in Russ.).
5. Surikov, I. E. (2006). *Ostracism in Athens*. Moscow, Languages of Slavic cultures Publ. (in Russ.).

6. Ginzburg, S. I. (1991). Ostracism as a means of political struggle in Athens in the V century. BCE: [dissertation]. St. Petersburg (in Russ.).
7. Malkopoulou, A. (2017). Ostracism and democratic self-defense in Athens. In: *Constellations*, 24-4, 623–636.
8. Holy Martyr Vladimir (Epiphany) Metropolitan. Kyiv and Galitsky. (1998). *About anathema or church excommunication*. Moscow: Father's House Publ. (in Russ.).
9. Gudilina, E. N. (2024). To the problem of conceptualizing ostracism as a mechanism for preserving tradition (cases of L. N. Tolstoy and A. V. Kuraev). In: *Tempus et Memoria*, 5-2, 6–16 (in Russ.).
10. Devitt V. The Fall of Feudalism in Ireland: Or, The Story of the Land League Revolution. М.: Нобель Пресс, 2025. 777 с.
11. Bylevsky, P. G. & Tsatskina, E. P. (2022). Phenomenological analysis of the phenomenon of "cancel culture". In: *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2, 162–169. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162 (in Russ.).
12. Subbotina, M. V. (2022). Cancel culture: a manifestation of social justice or a new tool of manipulation. In: *Society: sociology, psychology, pedagogy*, 3, 34–37. DOI: 10.24158/spp.2022.3.5 (in Russ.).
13. Kozhoridze, D. G. & Kozhoridze, G. G. (2024). The origins of the phenomenon of cancel culture// *Society: philosophy, history, culture*, 4, 97–102 (in Russ.).
14. Boykin, E. E. (2022). Modern faces of social ostracism: gosting, orbiting, phubbing, cancel culture. In: *Modern foreign psychology*, 11-2, 13–140. DOI: 10.17759/jmfp.2022110212 (in Russ.).
15. Williams K. D. (2009). Ostracism: a temporal need-threat model. In: *Advances in Experimental Social Psychology*, 41, 275–314.
16. Volodenkov, S. V. & Fedorchenko, S. N. (2021). Digitalization of the modern space of socio-political communications: scientific concepts, models and scenarios. In: *Bulletin of Tomsk State University Philosophy. Sociology. Political science*, 60, 175–193. DOI: 10.17223/1998863X/60/16 (in Russ.).
17. Suler J. The Online Disinhibition Effect // *CyberPsychology & Behavior*. 2004. Vol. 7: 3. P. 321–326.
18. Koktysh, K. & Renard-Koktysh, A. (2021). Cognitive safety measurement//*International processes*, 19, 26–46. DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.3 (in Russ.).
19. Krotovskaya, N. G., Kulagina-Yartseva, V. S. (2022). "New Ethics," Origins and Modernity (Review). In: *Context and Reflection: Philosophy about the World and Man*, 11-2A, 241–259. DOI: 10.34670/AR.2022.20.96.020 (in Russ.).
20. Chugrov, S. V. (2022). Culture of abolition in world politics: historical and philosophical roots. In: *Polis. Political studies*, 5, 88–98. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.07 (in Russ.).
21. Dunas, D. V., Gureeva, A. N. & Kireeva, P. A. (2023). Forming the theoretical framework of the "cancel culture": conceptual origins and current interpretations. In: *Bulletin of NSU. Series: History, philology*, 22-6, 70–81. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-6-70-81 (in Russ.).
22. Volkova A., Martyanov D. Digital vigilantism: strategies for capturing a networked civil society // *Opportunities and threats of digital society: materials of the All-Russian scientific and practical conference / ed. A.V. Sokolova, A.A. Frolova. Yaroslavl, 2021. pp. 53–58.*
23. Vesperini, P. (2024). *Réécrivant le passé: Comment la culture de l'abolition empêche de construire l'avenir*. Moscow, Alpina Publisher (in Russ.).
24. Trishchenko, N. D. (2022). Culture of cancellation in science as a consequence of mediatization. In: *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 3, 152–155 (in Russ.).
25. Fishman, L. (2024). "Culture of cancellation" in Russia: from rejection to limited use. In: *Antinomy*, 24-3, 70–82 (in Russ.).
26. Mukhlynkina, Yu. V. & Ivanov, A. I. (2022). Cancel culture: origins, manifestations, influence on society. In: *Position. Philosophical problems of science and technology*, 18, 148–161 (in Russ.).
27. Baghdasaryan, V. E., Vasilik, V. V., Jerusalem, Yu. Yu. & Lantratova, Ya. V., et al. (2023). "Cancel culture": the phenomenon of civilizational ostracism Materials of the expert round table. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 4, 6–35. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-4-6-35 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лескова Ирина Валерьевна – доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: leskova.i@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6083-6692

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Leskova – Dr. Sci. (Sociology), Cand. Sci. (Political Sciences), Prof., Departmentally Head, Department of Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: leskova.i@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6083-6692